

„Я ДОРОЖУ ВАШИМ СОВЕТОМ“

К 150-летию со дня
рождения Н. С. Лескова

Николай Семенович Лесков был восторженным поклонником «великого писателя земли русской». Общественно-нравственный пафос Толстого оказался и пафосом самого Лескова. В 90-е годы он ставит перед собою задачу сатирического обличения социальной действительности, признается в письме к Д. Н. Цертелеву 1890 года, что его «оторвало от прологовых тем нечто текущее и живое». Он ощущает необходимость «помогать очищению храма изгнанием из него торгующих в нем», так как «горница должна быть выметена и постанана» ранее, чем в нее придет «друг всяческой чистоты». Он делает «маленькую долю своего дела»: соскребает «пометы и грязь «кующих и продающих» в храме живого бога». Он принципиально остается «выметальщиком сора, а не толквателем Талмуда», как объясняет он Толстому в письме 1894 года. Он считает себя нравственно неподготовленным, чтобы выступать жрецом и наставником: ему «не дано» «доказывать живущим во святые святых», и потому он остается «при метле».

Однако потребность войти в «святаялице», т. е. постоянно ощущать ценность жизни, была в Лескове совершенно неистребимой. Удовлетворялась эта потребность прежде всего на путях глубокого проникновения в общественно-нравственное учение Толстого. Переписка великих современников, к сожалению, полностью не сохранившаяся, подтверждает близость их идейно-нравственных исканий.

«Я люблю то самое, что Вы любите, и верю с Вами в одно и то же, — писал Лесков Толстому в августе 1894 года. — Меньшиков это отлично подметил, сказав обо мне, что я «совпал с Толстым». Мои мнения все почти сродные с Вашими, но они менее сильны и менее ясны: я нуждаюсь в Вас для моего утверждения».

Интерес к Толстому, развивающийся на протяжении всей литературной деятельности Лескова, неизменно нарастал и вылился в почтительное восхищение перед «великим» человеком, «мудрецом» и «философом». Идейно-творческая встреча Лескова с Толстым в середине 80-х годов была подготовлена предшествующим развитием самого Лескова, который, подобно Толстому, всегда интересовался нравственной стороной человеческого существования. В первую половину своей литературной деятельности Лесков создал целую галерею положительных типов русских людей,

«очарованных странников», «праведников», «антников», «богатырей», захваченных любовью к жизни и людям, противопоставленных утилитарному буржуазному веку, дельцам и практикам, живущим только корыстными интересами личного благополучия.

Очень рано, задолго до встречи, Лесков объединился с Толстым своей ненавистью к самодержавно-полицейскому строю России, к официальной церкви, отстаивавшей интересы господствующего сословия, а также признанием вечных нравственных истин, имеющих общечеловеческий смысл. При знакомстве, которое состоялось 20 апреля 1887 года в Москве, в доме Толстого в Долго-Хамовническом переулке, писатели, естественно, приветствовали друг друга как единомышленники.

Те самые нравственные истины, которые пропагандировал Толстой после духовного перелома, постепенно вызревали в сознании Лескова, и совершенно самостоятельно и даже независимо от Толстого. Уже в середине 70-х годов Лесков становится сознательным противником официальной церкви. В июле 1875 года он писал Н. К. Щербальскому: «Вообще сделался «перевертнем» и не жгу фимиама многим старым богам. Более всего разладил с церковностью... меня подергивает теперь написать русского еретика — умного, начитанного и свободомысленного духовного христианина, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего ее только в одной душе своей». Лесков задумался над возможностью написать о русском еретике, который в то же время был бы последователем Христа, т. е. соединить понятия для церкви прямо противоположные. Замысел Лескова о еретике как «духовном христианине» проясняется в свете более поздних рассуждений Толстого: «Там, где есть церковь, должно быть и понятие ереси. Церковь есть собрание людей, утверждающих про себя, что они обладают несомненной истиной. Ересь есть мнение людей, не признающих несомненность истины церкви. Ересь есть проявление движения в церкви, есть попытка разрушения зачехленного утверждения церкви, попытка живого понимания учения».

Идейно-литературная близость Лескова с Толстым была результатом самостоятельной эволюции Лескова в том же направлении. Но вместе с тем Лесков бросил «свой фонаришко», как только принял

«яркий м а я к» Толстого: «... меня все было в хаосе — смутно и неясно... а когда услышал Ваши разъяснения, логичные и сильные, я все понял будто как «припомнив»... я стал жить в свете, который, несомненно, сильнее и ярче того, в каком я копался сам, своими силами». Лескову понятно «разумение» Толстого, и он «нашел толк и смысл только в этом разумении и в нем успокоился».

Лесков и Толстой объединялись сильными сторонами своего мировоззрения. Они не знали националистических предрассудков, спорили с теми теоретиками, которые обосновывали стремление того или другого народа, той или другой нации к мировому господству. В одном из писем Толстой сказал о Лескове: «Он одинаковых со мной взглядов и любит людей, а не русских или немцев». Великие современники ставили вопрос о нравственном воспитании человека и призывали людей к братскому единению друг с другом, верили в осуществимость союза и мира между народами. Лесков и Толстой мечтали о социально справедливых отношениях между людьми, и мечта эта, несомненно, носила социалистический характер. Горький так сказал о Лескове: «...его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России». Причисляя Лескова к «богатырям русской литературы», Горький писал: «Стоит открыть книгу любого из вчерашних писателей — и будет ли это книга Чехова или Лескова — от нее несет на душу жаром любви к человеку, состраданием к нему, стремлением ободрить его».

Лесков всегда сохранял самостоятельность в своих суждениях. Он не принял слабую сторону общественно-нравственного учения Толстого, например, отрицание им научно-технического прогресса. В разговоре с А. И. Фаресовым он так отзывался об отношении Толстого к науке: «Зачем это он нападает на науку? Разве так уж в нас ее много, и она мешает чему-нибудь? Пусть учатся! Зачем это отрицать? Вот тоже и мыло, и гребешок, ванна и т. д... Ведь нельзя же без этого, а ему не нужно. Шутник этот Лев Николаевич! Зачем, действительно, женщине не заботиться о красоте и изяществе; зачем ходить мне в гости без галаш и топтать чистый пол грязью?». Сложное отношение Лескова к Толстому сказало также и в непризнании толстовского отрицания т. н. женской эман-

сипации. Труд женщины для Толстого — труд рождения, кормления и выращивания детей, и «не просто детей для своей радости, а будущих слуг человечества». Чтобы воспитывать их в религиозно-нравственном духе, женщина сама должна располагать «высшим мирозерцанием», для получения которого «нужно только прочесть Евангелие». Лесков не согласен с этим ограничением женщин задачами рождения и выращивания детей, он признает за ними право участвовать в общественной и научной жизни страны. В июне 1886 года Лесков предлагает С. Н. Шубинскому, редактору журнала «Исторический вестник», статью врача Н. И. Пирогова «О женских способностях и о противлении злу» со своим Предисловием и Послесловием. Возражая против «учительных бредней» Толстого, Лесков противопоставляет им взгляды защитника женской эмансипации врача и ученого Н. И. Пирогова, организовавшего во время Крымской войны женскую помощь больным и раненым на поле битвы, боровавшегося за сохранение женского надзора над госпитальями. Статья Пирогова, разъясняет Лесков редактору журнала, «в высшей степени интересна в историческом и философском смысле, имеющая живое отношение к вопросам о женщинах и о противлении злу, которые коверкает юридическое Толстой». В ноябре 1886 года статья появилась под заглавием «Загробный свидетель за женщин». Опираясь на авторитет Пирогова, Лесков решительно встал на сторону учащих женщин, одиноких девушек, покинутых жен, понимает их страх за свое положение, «когда им кажется, что у них задумывают вырвать из рук и то малое средство на добывание хлеба, которое они себе едва-едва добыли...». «С тех пор, как в это дело вмешался граф Лев Николаевич Толстой и не обинуясь высказался за простое, религиозное образование, все восприняло такой вид, как будто граф своим словом принес «огонь на землю». Женщины встревожились... Это неудивительно: гр. Л. Н. Толстой пользуется теперь огромным вниманием во всех сферах общества и потому его огонь может зажечь пожар. Вот что и тревожит пугливое воображение учащих женщин, в судьбе которых ничто не застраховано, а напротив, все шатко и валко, и все косит на сторону».

Лескову был чужд прямо-

линейно-логический, а потому абстрактный способ разрешения нравственных проблем, который был свойствен Толстому-публицисту и Толстому-философу. Автор этико-философских трактатов («Исповедь», «В чем моя вера», «О жизни» и др.) призывал читателей к исполнению того всеобщего нравственного закона, который требовал полного преодоления влечений «животной личности». Этот нравственный максимализм казался Лескову превышающим силы среднего, слабого, неустроенного и страдающего человека, с которым он был связан всем жаром своей любви к нему, всей безмерностью своего сострадания. Именно в этом плане следует рассматривать и очерк Лескова «По поводу «Крейцеровой сонаты», написанный в 1890 году, а опубликованный уже после смерти писателя, в 1899 г.

Сам Толстой прекрасно понимал самобытность личности Лескова и силу его художественного таланта. О разговоре с Фаресовым Толстой сказал уже после смерти Лескова: «Лесков мой последователь, но не из подражания. Он давно шел в том направлении, в котором теперь и я иду. Мы встретились и меня трогает его согласие со всеми моими взглядами». С момента московского свидания в 1887 году Толстой стал внимательно следить за творческим развитием Лескова и делиться с ним своими сокровенными мыслями, знакомить Лескова со своими общественно-нравственными, антиправительственными, антицерковными сочинениями, не предназначенными для печатания в России. Поощренный вниманием и одобрением Толстого, Лесков в свою очередь сообщает ему о своих литературных замыслах, советует с ним, посылает ему корректурные оттиски и только что напечатанные повести и рассказы, внимательно прислушивается к суждениям Толстого о них.

Лесков имел «неотразимую духовную надобность» в общении с Толстым, и эта «надобность» с годами все возрастала. Он искал около него моральной твердости, одобрения своим размышлениям о жизни и человеке. «Я дорожу Вашим советом, не откажите мне сказать: хорошо или нет я рассуждаю и поступаю», — спрашивал Лесков у Толстого, утверждаясь на путях сатирического обличения действительности.

Г. КУРЛЯНДСКАЯ.
Доктор филологических наук.